

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧЕНЫХ КАЗАНИ

В 1930 – е гг.

Н.Ф.Фахрутдинов

Казанский федеральный университет

г. Казань, Россия

После свертывания НЭПа и перехода к форсированной индустриализации и коллективизации в стране началось нарастание трудностей с обеспечением населения основными продовольственными и промышленными товарами. Так, в Казани перебои с хлебом стали отмечаться в конце 1928 г. Газета «Красная Татария» в декабре сообщала о постоянных очередях за хлебом у ларьков КЦРК.¹ Поэтому власти были вынуждены ввести нормированное снабжение населения всем необходимым на основе карточной системы. С развалом внутреннего рынка место свободной торговли заняла система закрытых распределителей, которые обслуживали только прикрепленный к ним контингент покупателей.

Система снабжения имела строго дифференцированный иерархический характер, все население страны было поделено на 3 категории. В I-ю группу снабжения входили индустриальные рабочие. Научная интеллигенция первоначально была отнесена лишь к низшей, III-й категории и тем самым оказалась в более худшем положении по уровню снабжения, чем рабочие на производстве. Однако индустриализация нуждалась в профессиональных знаниях работников умственного труда, которые способствовали ее осуществлению не только своей практической и научно-исследовательской деятельностью, но и подготовкой необходимых кадров специалистов. Поэтому в октябре 1931 г. научные работники республики, за исключением ассистентов и аспирантов, по решению Татнаркомснаба были переведены в высшую категорию и стали снабжаться по нормам индустриальных рабочих.

В октябре 1931 г. был создан закрытый распределитель научных и инженерно-технических работников. Однако он оказался сильно перегружен,

для получения продуктов постоянно приходилось простаивать в очередях, что вызывало нарекания со стороны покупателей. Поэтому вскоре на его базе были открыты два самостоятельных отделения.

Из-за острого товарного дефицита нормы снабжения по всем категориям неоднократно понижались. Так, продуктовые нормы, существовавшие в последнем квартале 1931 г., уже в первом и, особенно, во втором кварталах 1932 г. были значительно снижены. По I категории норма хлеба понизилась с 1 кг до 600 г в день, муки – с 21 до 14,5 кг, мяса – с 2 до 1 кг, сахарного песка – с 1,5 кг до 800 г, крупы – с 1,7 кг до 800 г в месяц.² При этом продукты зачастую выдавались с задержками.

С одеждой, обувью, тканями и другими товарами широкого потребления дело также обстояло неудовлетворительно. Они поступали в небольших количествах, часто низкого качества. Возможность выбора отсутствовала.

Одним из путей решения проблемы с продовольствием стало создание подсобных хозяйств – крольчатников, свинарников, ферм и огородов. Начавшись стихийно, этот процесс стал стимулироваться и регулироваться властями. Так, бюро Татарского обкома ВКП(б) 12 ноября 1932 г. обязало все вузы организовать при столовых собственные продовольственные базы, включив в бюджет 1933 г. финансирование их по линии хозяйственных наркоматов и ведомств.³ Секции научных работников было разрешено после завершения плановых госзаготовок организовать самостоятельные закупки продовольствия в сельских районах республики. Большая часть продовольствия, закупленного в деревнях и произведенного в подсобных хозяйствах, направлялась на обеспечение потребностей общественного питания и поступала в закрытые столовые вузов и Дома ученых.

Из-за скудости государственного снабжения людям зачастую приходилось обращаться к другим, дополнительным источникам самоснабжения, одним из которых оставался крестьянский рынок. Однако в начале 30-х гг. крестьянская торговля, подорванная коллективизацией, в Казани была развита слабо, а цены

на сельхозпродукты держались на высоком уровне. Кроме рынка возможность приобретения необходимых товаров давала коммерческая торговля, но цены здесь были еще выше.

Между тем уровень заработной платы научных работников оставался невысоким. Ее размер был установлен постановлением СНК СССР от 22 августа 1930 г. и составлял для профессора 300, доцента – 250, ассистента – 210 руб. в месяц. Несмотря на это в некоторых вузах Казани (медицинском и ветеринарном) начался переход на персональные ставки. В медицинском институте персональная ставка профессора равнялась 500 руб., в ветеринарном – 700 руб. Однако указанное новшество не касалось основной массы научных работников, которым по-прежнему приходилось прибегать к совместительству.

В 30-е годы свою остроту сохраняла жилищная проблема. Жилищное строительство велось медленными темпами, не хватало квартир для профессоров, приглашенных в Казань для работы в новых вузах и научных учреждениях. Вновь стали отмечаться случаи, когда жилищные органы пытались изъять у научных работников площадь, превышающую установленную норму. Только вмешательство СНР помогало отстоять права ученых на дополнительную площадь.

Материальные и бытовые затруднения в годы первой пятилетки в наименьшей степени коснулись местной интеллектуальной элиты. 20 января 1932 г. Президиум ЦИК ТАССР принял постановление о создании Комиссии содействия ученым (КСУ).⁴ Образцом для нее послужила КСУ при СНК СССР, заменившая ЦЕКУБУ в 1931 г. Данная организация должна была способствовать развитию научно-исследовательской работы путем издания трудов ученых, выписки необходимой иностранной литературы, предоставления научных командировок; в ее же задачи входило привлечение научной интеллигенции к разработке наиболее злободневных вопросов социалистического строительства. Кроме этого комиссия занималась улучшением материально-бытовых условий жизни ученых.

КСУ, как ранее и Татарская комиссия по улучшению быта ученых (ТатКУБУ), была создана по принципу элитарной организации. В начале 1932 г. на ее учете состояло всего около 250 человек.⁵ Для включенных в списки КСУ, а значит и в состав научной элиты, начиналось более комфортабельное и обеспеченное существование, чем у остальных научных работников. При КСУ был организован отдельный закрытый распределитель, через который научная элита получала дополнительную, повышенную норму снабжения. В 1932 г. был организован дом отдыха КСУ в Шеланге, в южных курортах и санаториях смогли отдохнуть и поправить здоровье 47 человек. Квартиры некоторых заслуженных профессоров по постановлению ЦИК ТАССР полностью освобождались от оплаты или оплачивались по льготному тарифу, как у Г.Х.Камая и Н.Г.Чеботарева. Таким образом, КСУ, в отличие от ТатКУБУ, была призвана способствовать не выживанию наиболее квалифицированных научных работников в чрезвычайных обстоятельствах, а еще большему улучшению их материально-бытовых условий.

Немаловажное значение придавалось методам морального поощрения. Были введены почетные звания «Заслуженный деятель науки и техники», «Герой труда», «Герой социалистической стройки Татарстана». В 1931-32 гг. звания «Герой социалистической стройки Татарстана» удостоились профессора К.Г.Больш, Г.Х.Камай, Н.Н.Парфентьев и др. В 30-е годы также широко применялось вознаграждение за результаты научно-исследовательской деятельности в форме премирования ценными подарками, например, именными часами, серебряными портсигарами, кожаными портфелями, ордерами на пошив одежды.

Таким образом, путь к материальным благам и привилегиям лежал через активное участие в социалистическом строительстве. При этом их размеры стали зависеть не только от научной квалификации, но и занимаемой должности. Как отмечает Е.А.Осокина, «теперь не столько научная значимость ученого являлась критерием его ценности и определяла место в иерархии

интеллигенции, сколько должность и место в номенклатурном списке становились критерием его научной значимости».⁶ Соответственно, чем выше были должность и звание, тем большим был набор благ и привилегий. Следует отметить, что директора ведущих вузов Казани входили в номенклатуру ЦК ВКП (б), а значит, имели право на спецснабжение.

Функции социальной и правовой защиты ученых с конца 1934 г. перешли к Татарскому обкому профсоюза работников высшей школы и научных учреждений (СВШ и НУ). В его подчинение была передана секция научных работников, а комиссия содействия ученым была ликвидирована. Новый профсоюз стал оказывать реальную помощь в улучшении жизненных условий своих членов. Весной 1935 г. ему был передан дом отдыха в Шеланге, ранее принадлежавший КСУ. За 1938 г. ТатОК СВШ выдал 412 путевок в дома отдыха, 96 путевок в санатории и курорты, 15 путевок в детские санатории, 57 путевок в пионерлагеря, 66 человек получали талоны на диетическое питание.⁷ В составе профсоюза научных работников было создано спортивное добровольное общество «Наука». Отдых и досуг ученых также обеспечивал Дом работников науки и техники – ДОРНИТ, созданный путем объединения Дома ученых с Домом инженеров. С 1936 г. здесь начали демонстрировать звуковое кино, активизировалась художественная самодеятельность. В целом уровень жизни научной интеллигенции к концу 30-х гг. вновь, как и годы НЭПа, достиг вполне приемлемого уровня.

Примечания

¹ Красная Татария. – 1929. – 14 декабря.

² Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), Ф. Р-644, оп. 1, д. 912, л. 219 об.

³ Садыков Ш.Н. Перестройка высших и средних специальных учебных заведений Татарии и расширение подготовки инженерно-технических кадров в годы первой пятилетки // Ученые записки КГПИ. – 1972. – вып.108. – с.137.

⁴ НА РТ, Ф. 732, оп. 1, д. 1849, л. 54.

⁵ НА РТ, Ф. 732, оп. 1, д. 1849, л. 96.

⁶ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. – М., 1997. – с.105.

⁷ НА РТ, Ф. 5888, оп. 1, д.67, Л. 53.